

Владимир Синцов

ПУСТЫЕ ЛЮДИ

Все одинокие ищут
убежища

Владимир Синцов

**Пустые Люди. Все
одинокие ищут убежища**

«Издательские решения»

Синцов В. Р.

Пустые Люди. Все одинокие ищут убежища / В. Р. Синцов —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-748935-9

Главный герой — Родион без фамилии и отчества. У него есть только имя: как номер у заключенных, как опознавательный знак, как штамп, но не более. Услышав его имя, как и имена тысяч людей, мы просто забываем их, как забудут и Родиона. Но до конца ли он будет главным героем? Кому он передаст свою эстафету? Кого постигнет та страшная участь «пустых» людей и призраков?

ISBN 978-5-44-748935-9

© Синцов В. Р.
© Издательские решения

Содержание

Предисловие	6
1	7
2	9
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Пустые Люди
Все одинокие ищут убежища
Владимир Синцов

© Владимир Синцов, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

Пустые люди? Может они аморальны и безнравственны или глупы и безнадежны, может по животному нищие и бесхребетные? Нет, их можно назвать злыми, плохими, грешными, но никак не пустыми. В таких людях, может и нет ничего святого, но в них всегда таится энергия, получаемая от другой материи: от пороков и похоти, от тщеславия и самовлюбленности, от пошлого эгоизма и «великого» соблазна.

Но пустота – это куда более страшная форма материи, а возможно и вовсе не форма, но она непредсказуема и жестока, в ней нет жалости, и ее сила способна полностью завладеть человеком. Хоть в ней и нет ничего, но страх вселяет непостижимый. Единственный способ избежать ее – следить за своими поступками.

Главный герой – Родион без фамилии и отчества. У него есть только имя: как номер у заключенных, как опознавательный знак, как штамп, но не более. Услышав его имя, как и имена тысяч людей, мы просто забываем их, как забудут и Родиона. Но до конца ли он будет главным героем? Кому он передаст свою эстафету? Кого постигнет та страшная участь «пустых» людей и призраков?

1

Утро. Самое противоречивое время, когда охота послать все к чертям или же начать что-то делать и радоваться своему пробуждению. Но эти размышления глупы, так как чтобы послать что-то к чертям, нужно что-то еще сделать, чтобы это послать.

Этот молодой парень, по имени Родион, просыпался точно также, как и все остальные. И всё бы ничего, да вот только из дома он не выходил уже вторую неделю. Сам он парень видный, такой, что и придраться не к чему. Брюнет, с большими глазами голубого цвета, настолько яркими, что посмотрев в них кажется, что смотришь в самое глубокое море или даже океан, но океан этот не бушующий, а самый спокойный из всех. Но, как говорится: «В тихом омуте черти водятся». Вот и он вроде спокоен, а как помотришь на него, так страх берет. Ростом он тоже не мал, будто в глубине своих глаз он напоминает, не лодочку, не шлюпку, но и не большой корабль, да и глупо это как-то выглядит, когда корабль борется со стихиями природы, он же самая, что ни на есть бригантина: плывет себе на парусах и плывет, начнется буря и он не спокойным становится, а как наступит тишь, так и ему легче.

Родион всегда казался живым. Может, благодаря физиономии, а может и внутри он всегда жив был, да вот что-то резко изменилось в нем, будто рухнула его бригантина при страшной буре: билась, сражалась, металась из стороны в сторону, да и сломалась, пошла на дно медленно, плавно. Вот и Родя спокойно так уходил на дно, да глубоким оно оказалось. Не лужа его океан, даже океан не океан, а целая пропасть.

Так вот сидит теперь этот молодой человек целыми днями и в окно смотрит, а то и редкость это большая, чаще всего в стенку или в потолок уставится и лежит. Страшно становится теперь за него. Дома ни света, даже шторы закрыты, только маленькую щель оставит, где луч проступает и рад. Обои у него ободраны, комната оттого стала даже голой, пустой, только обрывки на стенах остались. В той комнате стоят еще банки с краской и рулоны. Он ремонт собирался делать, да только вот пришел он домой две недели тому назад, начал было обрывать старые обои, чтобы новые клеить, да и на этом все и оставил. Не в себе он был: рвет, рвет, рвет с большущей страстью, еще и смеется на весь дом то чуть слышно, то по-дьявольски громко. А потом все бросил, улегся на пол и уставился в потолок. Гнев и страх в его взгляде появился, а после глаза его так помутнели, что целый океан стал болотом, но самым чистейшим болотом.

Теперь ходит он по своей маленькой квартирке туда-сюда с пару часов, после уляжется на столько же времени, потом сходит чаю наведет, вернется в комнату и откроет шторы, уставится в народ, смотрит и смотрит, а лиц не видно, в капюшонах, а то и под зонтиками ходят. Мрачно сейчас стало на улице: ходят грузные облака, то покапает дождик, то перестанет, видимо, осень уже рядом. Смотрит он так, но обидно ему, что лиц не видно, а выйти то на улицу боится, а чего боится – неизвестно. Поглядит, да и грустно ему станет, закроется и опять уляжется, то на кровать, то сразу на пол. Не спит – боится и спать он, а почему – тоже неизвестно. Иногда и стуки в дверь раздаются, он бежит к ней с радостью, но в метре страх сильный им овладевает.

– Кто? Кто это может быть? Не уж то пришли за мной, забрать отсюда хотят? А я не уйду, нет не уйду, я живу здесь и только здесь! Прочь! Прочь! Уходите... – затихнет, да и забьется в угол.

Долго он так сидит, боится он, да только тут уже известно чего, самого себя боится, гнева своего на людей страшится, хоть и лица их хочет видеть. Очень хочет, да не может, а почему – никому не знать.

Исхудал наш товарищ за две-то недели, не бритый, заросший, грязный, белье не менял, но не пахнет от него, да и чего пахнуть, он же ничего не делает. Скулы его сильно обозначились, глаза впали, а сам злым стал, на вид только, а вот что в душе у него таится, только сам

черт знает. Забьется же он тут в стенах своих! Не дай бог руки на себя наложит... Хотя нет, не забьется, куда он отсюда сам не выйдет. Делать-то он ничего не делает, а что убиваться, коль ничего ты и не делал? Смешно же. Бывает письма ждет от мамы, да нет у него мамы, как год уже. Лежит на полу, и вдруг заговорит:

– Мама должна была письмо отправить, как дела сообщить у сестренки, у братика, а я тут лежу, вот же бездарь! – встает и бежит к двери, а там снова как дуб встает и все припоминает, что не только мамы у него нет, так и братик с сестренкой померли. Забьется опять в угол и сидит, потом вновь забудется и уйдет в окно людей считать. А там уже вечер, огни ночного города освещают улицу, прохожие проходят, но лиц и вновь не видно. Горько Роде, горько, но зато как красиво. Хотя на красоту он внимания не обращает, а только смотрит на людей. Через часик другой то ли грусть, то ли сон на него нападет, закроет шторы и начнет ходить из одного конца комнаты в другой, главное, чтобы не уснуть. В конце концов, не в силах он совладать с собой, как завалится в сон и не разбудить, да и некому, а если была кровать рядом в нее ляжет, нет – так на пол.

И так каждый день.

2

Месяц. Целый месяц прожил так Родион, да только трудно это назвать житием. 30 дней прошло с того, как он ничего не делал, никуда не выходил. Оброс, исхудал, совершенно перестал походить на человека. Только лицо сохранилось, взгляд живой, яркий, дикий даже, но по-прежнему глубокий. Еще совсем юн и молод. Может, это только с виду? Что, если его внутренности не имеют возраста? Вдруг его мысли и новые идеи – это не больше чем пережиток опыта и малая часть огромной фантазии? Все возможно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.